

Ник. АСЕЕВ Как живой с живыми

Высокий, широкогрудый, большеглазый, промысловый, встает он передо мною во всея своих размахах, как бы заполняя собою весь кратковременный, привлекающий к себе всё внимание своею необычностью и не только по внешности, но и по всем подобным, не совпадающим с другими видимостями, приметам.

Гордый, чуть откнутый назад широченный разворот плеч, большие широкогрудые руки ноги, крепкая мускулистая шея, поддергивающая колонной тяжело голову с крупными, резко и в то же время не жестко очерченными, характерными чертами — весь он был «весомый, грубый, зоркий» и вместе с тем «необычайно привлекательный», взгляд долго задерживался на этом необычайном виде человека. Широко разлегшееся, надбровные дуги, великолепный купол лба, широкие крылья прямого, но заостренного носа, упрямые, изгиб углами члены чувственных губ, крепко выпещенный, долевой подбородок, где рано начавшиеся мужественные складки от юношеских ноздрей вокругта к подбородку и образованные ими чуть блазенные ямки под верхними веками. Весь овал головы, какойто удивительно пропорциональный, приятно, без приторности привлекательный, привлекательный и вместе с тем иногда и у него неестественно выразившийся.

И «всё это освещали глаза — великолепно-карие, то за-

думчиво-строгие, то горящие гневной энергией, широко раскрытыми, ни когда не щурящимися на мир, опущенные густыми ресницами, горячие, умные, говорящие глаза

Много осталось портретов Маяковского. Но ни один из них не может передать полностью выражение этих глаз именно потому, что выражение их меняется многое в зависимости от переживаемого, от услышанного, от замеченного, вошедшего в поле их зрения. И потому так жаль, что не сохранилось снимков Маяковского в движении, беседе, что кино так бедно и обычно мало сохранило нам его живой облик.

И, однако, не портрет ли двадцатилетнего юноши в пиджаке с отворенным воротом, на кафтанке ли легкого молодого человека, уже умеющего повязывать галстук по-модному, в кепке, чуть склонившей на бок, и в пальто реглан, в коротко ли спирожекской голове с уже легкой на юг южественной покерской складкой — все, где светятся эти смелые, непокорные, открытыые на весь мир простор ясные глаза.

Юноша встретил я Маяковского на улицах Москвы, еще до первой войны с Германией, в 1913 году. Нам, тогдашней молодежи, уже были известны его стихи, отпечатанные на стеклодефе, не типографским способом, передающие особенность почерка автора, всем своим видом и содержанием отличающиеся от дорогих, придающих в магазинах стихов тогдашних авторов. Но стихи Маяковского были необычны не только по виду.

В них говорилось о совершенно простых, будничных вещах: о матери, о солнце, об уличных вывесках, обо всем вилемом и окружающем нас повседневно, но говорилось так, такими словами, что все видимое и применявшееся глазу вновь вставало, как будто окрашенное в новые, свежие цвета, становилось значительным и заново ощущенным, близким и дорогим.

Стихов у него в то время было еще мало, узнать его можно предстояло в будущем. Но уже тогда немногие его, строки заронили в молодежь, каждую слышать и обдумывать эти трудно дающиеся слова, которые, будучи один раз прочитаны, давали возможность по-новому ощущать окружающее.

Поэтому, встретясь с Маяковским на бульваре, я, не видевший его до тех пор, сразу узнал его и заговорил с ним. Через пять минут, уз-

нав, что я читал и понимал его стихи, Маяковский уже бежал мною, как со старым знакомым. Не помню точно, каким именем и чем мы говорили, в памяти осталось только, что он поразил меня тем, что разговаривал без околичностей, без неизбежных в быту «вежливостей». Когда я сказала, что пишу стихи, он спросил меня, про что я пишу. Тогда для меня этот вопрос был неожиданным — ведь нельзя же в двух словах изложить темы своих стихов! Да и сказать по правде, мне интересны были не все мои стихи. Я встретилась с настоящим, великим поэтом, это чувствовал, и мне хотелось наблюдать и понять его, а не говорить о себе. А он шел рядом такой большой и отечески осматривал меня своими океанами-глазами. Я чувствовала, что встреча эта для меня неизвестна, что он поразил меня тем, что разговаривал без околичностей, без неизбежных в быту «вежливостей». Когда я сказала, что пишу стихи, он спросил меня, про что я пишу. Тогда для меня этот вопрос был неожиданным — ведь

сторону каждого — само по себе уже литература произведение — остановила за ним, точно обозримое вспаханное поле. Маяковский еще не весь известен, не весь воплощен и использован. Разве теперь, во время Великой отечественной войны, не звучат его «стихи»? Разве не кажется они написанными не двадцать лет тому назад, а вчера?

То, что проинколо в масле из сделанного Маяковским, вспахало в сознание, навсегда завоевало ему признание и любовь. Большой, яркий, бесстрашный, не-похожий ни на кого, живёт он в памяти своих нежных друзей.

Маяковский был узнан народом, как органическая часть своего общества как сложная грань своего многообразного целого. Никакие посмертные многочисленные издания не в состоянии удовлетворить читательского спроса. Почему?

Потому, что народ воспринял и оценил весь размах этой «звонкой силы», добровольно взвалившей себя на плечи долю своего времени, ответственность за него. Народ почувствовал большой разговор с собой и со временем.

Я помню, как он мне говорил о совершенном новом стихе, о совершенно новой форме обращения к читателю, заумчанной им в период написания «рассказов» (о вселении в новую квартиру, о приобретении одного членодара, «О людях Кузнецк») — стихах, по-новому использующих разговорную речь, обиходный язык рабочего. Стремление к какой-то новой простоте стиха, но не опроцентности его, владело Маяковским в последние годы его работы. Он его еще только разрабатывал. Окончательный результат этих замыслов он берёт для поэмы о птичке. Мы не видели этой поэмы.

Если бы он видел, сколько любви и дружеского участия его окружает, если бы он знал, как разделяет время его врагов!

Черты отроманной затинересованности в существовании своей страны, в существовании её культуры, гордость ею, верность ей до последнего вздоха отмечены строителем её, её преобразователем.

Раскрытие гения Маяковского произошло вместе с раскроющением общественности произведениями как «Владимир Ильин Ленин» и «Хорошо», во все хрестоматии. Такие глубоко народные произведения, как «150 000» и «Мистерия Буфф», еще не нашли полной и достойной оценки в исследовании.

А помно, как слушали рабочие мастерских временного ремонта во Владивостоке «Мистерия Буфф» в поэм, не авторском, чтении Слушали, затяжное, с восторгом и надеждой, слушали, отрезанные в поэме от Советской России, чуя в этом произведении величайшую связь народа, его чувств и стремлений, соединенных в одну, неодолимую силу!

«Тысячи тонн словесной руды» — переполнены Маяковским в жгучее слово. Лозунги-рифмы, плакаты и афики, устные выступления, из ко-

манды, затяжное, с восторгом и надеждой, слушали, отрезанные в поэме от Советской России, чуя в этом произведении величайшую связь народа, его чувств и стремлений, соединенных в одну, неодолимую силу!

«Тысячи тонн словесной руды» — переполнены Маяковским в жгучее слово. Лозунги-рифмы, плакаты и афики, устные выступления, из ко-

манды, затяжное, с восторгом и надеждой, слушали, отрезанные в поэме от Советской России, чуя в этом произведении величайшую связь народа, его чувств и стремлений, соединенных в одну, неодолимую силу!

Маяковский — великий представитель нашей культуры не только по своим личным качествам. В нём сосредоточились все лучшие традиции, которые были свойственны наиболее ярким явлениям нашей поэзии: самостоятельность, самобытность и право на собственный голос, завоеванное годами яркого, неизримого труда.

Великий советский поэт через Державина, Пушкина, Льва Толстого, несет на себе родовые черты несгибаемой, свободной, все преодолевающей на своем пути русской культуры.

Маяковский — великий представитель нашей культуры не только по своим личным качествам. В нём сосредоточились все лучшие традиции, которые были свойственны наиболее ярким явлениям нашей поэзии: самостоятельность, самобытность и право на собственный голос, завоеванное годами яркого, неизримого труда.

Стихов у него в то время было еще мало, узнать его можно предстояло в будущем. Но уже тогда немногие его, строки заронили в молодежь, каждую слышать и обдумывать эти трудно дающиеся слова, которые, будучи один раз прочитаны, давали возможность по-новому ощущать окружающее.

Поэтому, встретясь с Маяковским на бульваре, я, не видевший его до тех пор, сразу узнал его и заговорил с ним. Через пять минут, уз-

Владимир Маяковский
Бюст работы скульптора И. Чайкова.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ДРУЗЬЯ О МАЯКОВСКОМ

СЛОВО МАЯКОВСКОГО

Я вспоминаю опыт, проделанный мною в пражском литературном журнале «Блок». Работа эта так и осталась в рукописи, потому что нацисты в то время уничтожили литературную и всякую другую свободу в Чехословакии.

Мы хотели сопоставить русского поэта Маяковского с французом Полем Валерием в оригинале и в переводах на чешский и немецкий языки. И мы получили трех различных Валериев — в оригинале, в переводе Раинера Мартина Рилье и в переводе выдающегося чешского поэта Иозефа Палица. Иное произошло с Маяковским: мы сопоставили оригинал с чешскими переводами Матея и немецкими Гунтера.

А я помно, как слушали рабочие мастерских временного ремонта во Владивостоке «Мистерия Буфф» в поэм, не авторском, чтении Слушали, затяжное, с восторгом и надеждой, слушали, отрезанные в поэме от Советской России, чуя в этом произведении величайшую связь народа, его чувств и стремлений, соединенных в одну, неодолимую силу!

«Тысячи тонн словесной руды» — переполнены Маяковским в жгучее слово. Лозунги-рифмы, плакаты и афики, устные выступления, из ко-

манды, затяжное, с восторгом и надеждой, слушали, отрезанные в поэме от Советской России, чуя в этом произведении величайшую связь народа, его чувств и стремлений, соединенных в одну, неодолимую силу!

Маяковский — великий представитель нашей культуры не только по своим личным качествам. В нём сосредоточились все лучшие традиции, которые были свойственны наиболее ярким явлениям нашей поэзии: самостоятельность, самобытность и право на собственный голос, завоеванное годами яркого, неизримого труда.

Стихов у него в то время было еще мало, узнать его можно предстояло в будущем. Но уже тогда немногие его, строки заронили в молодежь, каждую слышать и обдумывать эти трудно дающиеся слова, которые, будучи один раз прочитаны, давали возможность по-новому ощущать окружающее.

Поэтому, встретясь с Маяковским на бульваре, я, не видевший его до тех пор, сразу узнал его и заговорил с ним. Через пять минут, уз-

Маяковский с нами!
Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Выставка дипломных работ Маяковского государственного художественного института и Украинского отделения.

Илья Врюлин.

Русская хоровая капелла

13 июля в Октябрьском зале Дома союзов состоялось общесвенное прослушивание первой программы Республиканской русской хоровой капеллы под художественным руководством заслуженного артиста РСФСР А. Степанова.

Капелла в составе 75 человек организована в конце 1942 года. За полгода была проделана огромная организационная работа по укомплектованию состава капеллы, по освоению репертуара, составленного из лучших образцов хорового русского творчества, по воспитанию единого, сплоченного ансамбля.

Первая программа показательная для творческого профиля капеллы, как коллектива, который ставит себе две основные задачи: продолжение замечательных певческих традиций русской хоровой школы, имеющей прошлом таких представителей, как придороги капеллы в Петербурге (позже Ленинградская академическая капелла) и хор при Бинодальном училище в Москве (позже Государственная капелла Союза ССР), а также разнообразных хоров в различных городах России; исполнение ярких образцов хорового творчества русских композиторов-классиков и современных советских композиторов.

В первой программе капеллы представлены лучшие образцы хорового творчества. Здесь и сложные по интонации хоры Танеева «Прометей» и «Восход солнца», и философски глубокий, драматически насыщенный хор Сахновского «Ковать», светлые лирические хоры Вик. Калиникова «Элегия» и «Живоронок», мечтательные «Вальсики» Кои, созерцательно-затмивший хор Чеснокова «Теплится кипяток».

А. РУДНЕВА.

Концерт М. Александровича

На днях в Октябрьском зале Дома союзов состоялся концерт союзника Государственной оперы Литовской ССР М. Александровича.

Александровичу сейчас 29 лет, а его концертная деятельность начисливается уже двадцать лет. С восемью до четырнадцати лет он выступал на концертных подиумах Европы и Америки. В репертуаре юного Александровича были Чайковский, Рахманинов, Гучко, Григ и Штраус. После длительного совершенствования Александрович в течение пяти лет был солистом первого театра в Каунасе. Здесь от певца Герцога в «Риголете», Ленского в «Евгении Онегине», Альманья в «Севильском цирюльнике» и Синодала в «Демоне».

Работая в оперном театре, Александрович часто выступал в концертах. Но стихия Александровича — опера. Это отразилось на программе его концерта, организованного Московской государственной филармонией.

У Александровича приятного тембра тенор, которым он в совершенстве владеет. Особенно удалился ему роман «Надира» из «Искатель жемчуга», катавина Альманья из «Севильского цирюльника» и aria Кавардаки из «Тоски».

Среди спектаклей Александровича романсов наибольшее впечатление оставили «Бесене волынь» Рахициной и «К розе» Спендиарова.

Партия фортепиано исполнила Лев Эштейн.

Вечер М. Александровича прошел с успехом.

В. КОНСТАНТИНОВ.

Вечер памяти Державина

14 июля в Концертном зале им. Чайковского Московская государственная филармония совместно с Союзом советских писателей отметила 200-летний юбилей со дня рождения Гавриила Романовича Державина.

Значение этого вечера далеко выходит за пределы обычного юбилейного литературно-музыкального концерта.

Державинской поэзии был посвящен обстоятельный доклад С. Шервинского.

Первому отделению юбилейного концерта с полным правом может быть предложена эпиграф: «Державин — певец русской славы».

«Заданный оратор» из «Персона и Андромеды», стихотворения «На переход Альпийских гор» и «Снегири», посвященные Суворову, произвело величественно, торжественно, пронизывающими. Участие в концерте образцово-показательного оркестра Наркомата Обороны (художественный руководитель, замечательный деятель искусства, генерал-майор С. Чеченецкий) сообщило всему первому отделению монументальность, масштабность,

Р. АЗАРИНА.

Юбилейный вечер Державину является принципиально новым, интересным типом литературно-музыкального концерта.

И мы нерушимо знаем: народ, чьей верной дочерью была Ермолова, наш народ победит!

— Пускай умру — народ мой победит!

И мы нерушимо знаем: народ, чьей верной дочерью была Ермолова, наш народ победит!

М. Н. Ермолова.

Портрет работы В. СЕРОВА.

Н. ВОЛКОВ

НАРОДНАЯ ГОРДОСТЬ

О Марии Николаевне Ермоловой написано много книг, воспоминаний, биографических очерков. Но, быть может, сильнее всех слов говорят о личности великой русской актрисы знаменитый «Ермоловский портрет» Серова. Те, кто никогда не видел Ермолову на сцене, глядя на этот величественный облик, герническую женщины, на это вдохновенное лицо, почувствуют, чем была Ермолова для русского театра, что такое пламень ее трагической души.

Константин Сергеевич Станиславский считал Ермолову не дуэль первой артистической мира. Он говорил, что каждая ее роль — это открытие новых сокровин женской души. Когда весной 1920 года праздновалось полувековое юбилейное значение Ермоловой, Станиславский писал, что в этот день мы можем дать простор нашему чувству национальной гордости.

Чувство национальной гордости будет вечно, сопровождать немеркнущее имя Ермоловой и тот подвиг, который она совершила в искустве.

Театр, которому самоотверженность служила Ермолова, был для нее меньше всего прайзом искусств: творчество ее было борьбой за высокие идеалы человечества.

Московский Малый театр часто называют Домом Щепкина, но его можно по праву называть и Домом Ермоловой, ибо в очи ее искусства выковывались те основы воззвшего идеального реализма, который и составляет лучшие традиции русского театра.

Ермолова родилась в 1853 году, в самый канун Севастопольской обороны. Ей было всего лишь два года, когда героями русского воина были в летопись русской славы беспримерной эпопеи обороны Севастополя.

Сейчас, когда со дня рождения Марии Николаевны прошло 90 лет, русский народ является всему миру пример безграничной отваги и мужества. В эти дни грозных битв надежда Ермоловой воспринимается с особенной силой и отросткой Новороссийской Орлеанской леди русского театра, кажется, инова проносит ее пламенные слова Жанны, которые могли бы в ее устах приводить в трепет зрителям.

«Пускай умру — народ мой победит!»

И мы нерушимо знаем: народ, чьей верной дочерью была Ермолова, наш народ победит!

С. ОБРАЗЦОВ 50 ДНЕЙ В ИРАНЕ

Сейчас я сижу за письменным столом, в своем кабинете в Москве. Плотно задернуты шторы, слышно, как по Пушкинской улице шумят прохожие. На часах впереди, откуда ковка, 12 часов ночи! В квартире нико, и наша поездка в Иран кажется бесконечно далекой. А ведь только сегодня утром мы были в Тегеране. Даже сутки не прошло с нашего последнего концерта, 66-го по счету.

66 концертов за 50 дней, включая и дни переездов и перелетов, по шестьдесят городам Ирана.

В конце апреля мы вылетели с московского аэропорта. Над русским лесами, полями, степью, над Волгой и Каспийским через большой снежный хребет, над облаками на высоте 5.000 метров. Из военной Москвы, единой и цельной, как симфония, — Тегеран, шумный полусвободный город. Город контрастов, в которых война отражается под самыми неожиданными углами, как в тысяче разноцветных кусочков зеркал. Красные дома, асфальтированные улицы, сверхобтекаемые автомобили, скрывающие витрины магазинов и тут же по протору гонят маленькие стайки испуганных барашков, или продают тоночных гусей. Бегут и прорванные ослики, на которых, как и раньше, сидят, и точенные ноги должны сломаться в настремчу шагающему мотоциклисти, показываясь в зеркало.

Первый наш концерт — для союзных колоний. Как прекрасна встреча советских людей в чужой стране! «Принимают» выступление каждого из нас замечательно, если только можно назвать таким профессиальным, обыкновенным словом то тепло, ту радость, которая идет к нам из земельного зала, к нам, родным москвичам, к нам, только что ходившим по москов-

ским улицам, по московской земле, к нам, прятавшим оттуда, где находятся мысли и сердца зрителей. Это не просто концерт, это радость, счастье, нежная и бурная встреча с друзьями, в праздничный «качун» 1 мая. Утром 1 мая концерт для военных организаций. Выхожу говорить вступительное слово и как только произношу первые слова: «Привет вам, дорогие товарищи от Москвы», — все разламывается от восторга и промежуток в громовом «ура».

Еще один для иранской общественности. Долго думали, как составить программу. Незнакомый нам зрителю. Многие, вероятно, не знают русского языка. Как привлечь Владимира Николаевича Яхонтова? Концерты — вообще новости в Иране. Как будут слушать игру Брюсову, Козуловой и Козуловой? Нужно ли петь Галине Фотеевой «стервские частушки»? Какие арии, какие романсы выбрать? Кругликова и Орленко? Наше волнение напрасно. Видите на эстраде сказать зрителю, кто мы такие, как работаем, как играем, на фронте, я с первых же слов понял, по глазам прочел, что в зрительном зале сидят любопытные, жаждущие драмы. И то, что мы из Советского Союза, из Москвы, что мы своими глазами видели войну, еще одно это превращает для них концерт в наше самое волнующее событие. И уже Брюсову, открывшему много раз выходить и бисировать, пока, наконец, зрителя настынившись, разрешит обнять следующий номер. У нас не было концерта. Это роль мы поделили вдвоем с В. Яхонтовым, и в этом оказалось какое-то особый смысл, позволявший установить со зрителем простые, близкие, совсем не «концертные» отношения.

Несколько концертов в Тегеране завершились большим приемом-концертом для дипломатического корпуса в загородном парке Советского посольства. А затем мы пришли в построенный живописный дворец на берегу озера, где в зале, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной, играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жарче. Концерт в 8 часов вечера на открытом воздухе. Тогда же можно назвать «пустыня», «горы», «солнце».

На первый же концерт приезжают гости. Несколько грузовиков буйных, веселых американцев, смист и кинокомпаниями выражающими свой восторг. Потом — концерт для английской армии. Напротив памятника великому британскому королю, в котором висят картины известных мастеров, включая и самого Яхонтова, проходит прием. Яхонтов, помимо членов семьи, вместе с Шагиной играет в «Джугласе» Лермонтова. В движении, в изяществе, в действии слова становятся понятными. Из этого города едем на поэзию в другую. Там еще жар